

ДИВЕН БОГ ВО СВЯТЫХ СВОИХ

**СБОРНИК
ЖИЗНЕОПИСАНИЙ**

**МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ КАНОНИЗАЦИИ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
ВИТЕБСКИХ**

г. Витебск
2007

**По благословению
Высокопреосвященнейшего Архиепископа
Витебского и Оршанского
Димитрия**

Жизнеописание архиепископа ИННОКЕНТИЯ (ЯСТРЕБОВА)

Архиепископ Иннокентий (в миру - Илья Иванович Ястребов) родился 16 июля 1867 года в селе Владимировка Енотаевского уезда Астраханской губернии, в семье диакона. В 1888 году он окончил Астраханскую духовную семинарию и в том же году поступил в Казанскую духовную академию. Его духовным наставником в это время был схииерхимандрит Гавриил (1844-1916) - старец Спасо-Елеазаровой пустыни в г.Казань.

По окончании курса академии со степенью кандидата богословия в 1892 году, Илья Иванович был оставлен при ней профессорским стипендиатом на кафедре калмыцкого языка.

17 августа 1893 года он был избран и.д.доцента Казанской Духовной Академии на кафедре этнографии племен монгольского отдела, истории распространения христианства между ними, калмыцкого наречия и общего филологического обзора языков и наречий. 10 января 1898 года удостоен степени магистра богословия за диссертацию «Архиепископ Казанский Владимир и его миссионерская деятельность».

Уже состоявшись как ученый, Илья Иванович предпринимает важный шаг в своей жизни: 7 июня 1902 года он был пострижен в монашество с именем Иннокентий, с причислением к братии Казанского архиерейского дома. 8 июня этого же года рукоположен в иеродиакона, а 8 июня - в сан иеромонаха. 26 октября 1902 года иеромонах Иннокентий был определен в число братии Спасо-Преображенского монастыря, а в 1905 году возведен в сан архимандрита. За время своей 14-летней ученой и миссионерской деятельности отец Иннокентий несколько раз был командирован в калмыцкие улусы Астраханской губернии для изучения языка, быта и религиозных верований калмыцкого народа. Являясь одним из немногих в России монголоведов-

миссионеров, он путешествовал он также и в Сибирь с миссионерскими целями и для изучения языка сибирских монголов.

В период с 1895 по 1897 годы им был опубликован в «Православном Благовестнике» целый ряд статей по миссионерским вопросам, наиболее интересными из которых были: «Вопрос об устройстве и организации образовательных заведений для приготовления православных благовестников (миссионеров)», «Записки миссионера», «Туземные учебные заведения в Туркестанском крае» и др.

Основательно изучив еще в семинарии калмыцкий язык, о. Иннокентий впоследствии посвятил себя литературным трудам в этой области: перевел книги Священного Писания на калмыцкий язык. Этот труд он проделал совместно с ученым-калмыком М. В. Бадмаевым.

По оценкам церковной печати того времени, архимандрит Иннокентий (Ястребов) и по рождению, и по специальным занятиям связанный с иноподданством Востоком России, являлся одним из немногих русских монголоведов-миссионеров, которого естественнее было бы видеть работающим в сане епископа где-нибудь в Сибири, в Поволжье или на Северном Кавказе, где обитали монголы и где особенно чувствовалась особая нужда в организации миссионерского дела. Но Господь сулил ему иначе.

12 мая 1906 года состоялось высочайшее утверждение Св. Синода о возведении архимандрита Иннокентия в сан третьего викария Киевской епархии, епископа Каневского. 29 июня 1906 года в Благовещенской церкви Киево-Печерской лавры состоялась и сама хиротония. Чин хиротонии совершали: митрополит Флавиан (Городецкий), архиепископ Платон (Рождественский) и епископ Агапит (Вишневский). В 1910 году владыка Иннокентий был назначен вторым викарием Киевской епархии и, одновременно, ректором Киевской духовной академии, а в 1911 году – первым викарием Киевской епархии.

11 июля 1914 года епископ Иннокентий был назначен на Полоцко-Витебскую кафедру.

29 июля 1914 года он прибыл в Витебск и таким его увидели люди: «Открытое, приветливое лицо, величественная осанка, добрый, приветливый взгляд, отеческая доброта во взоре – все это внушило доверие к архипастырю со стороны его новой паствы». В своей вступительной речи, произнесенной вечером того же дня на всенощном бдении в Витебском Николаевском кафедральном соборе, владыка Иннокентий выразил свою надежду на помощь Всемогущего Бога в управлении Полоцко-Витебской епархии,

и в чаянии этой помощи архипастырь обратился к небесной покровительнице Полоцкой земли – преподобной Евфросинии. Владыка также отметил особенное событие в его жизни, в котором он увидел особый путь Промысла Божия, приведшего его на Полоцко-Витебскую кафедру: его участие в торжествах перенесения мощей преподобной из Киева в Полоцк, когда он на своих руках перенес мощи святой Евфросинии из ветхого гроба в новую гробницу. В этой же речи архиепископ Иннокентий заповедал своей пастве твердость в вере и усиленное молитвенное делание в наступившую годину испытаний. Менее чем через неделю – 4 августа 1914 года владыка приехал в Полоцк для поклонения мощам преподобной Евфросинии. В этот свой приезд добрый и доступный архипастырь произвел неизгладимое впечатление на жителей Полоцка и его окрестностей.

Но уже 10 января 1915 года он был переведен в Москву - постоянно присутствующим членом Св. Синода, Председателем Миссионерского совета и управляющим Московским Донским монастырем. 29 января, перед своим отъездом, архиепископ Иннокентий посетил Полоцк, чтобы испросить напутственное благословение у преподобной Евфросинии.

12 декабря 1917 года, в соответствии с распоряжением епископа Пантелеимона (Рожновского), были проведены выборы правящего архиерея Полоцко-Витебской епархии из числа кандидатов, утвержденных Св.Синодом. В середине ноября 1917 года в Полоцких епархиальных ведомостях публиковались биографии и характеристики кандидатов, в числе которых был и владыка Иннокентий. О нем был следующий отзыв: «...хорошо известен в Полоцкой епархии своим благоговейным служением, воодушевленным проповедничеством и введением общенародного церковного пения в кафедральном соборе. Усердный молитвенник, простой в общении, ласковый и справедливый по отношению к подчиненным и посетителям, отзывчивый к просителям, он принадлежит к числу ученых архипастырей Русской Православной Церкви и считается знатоком миссионерского дела». В результате владыка был избран и с декабря 1917 по 19 марта 1918 гг. именовался епископом Полоцким и Витебским, но епархией временно управлял епископ Пантелеимон (Рожновский).

В середине июля 1918 года, в связи с упразднением Витебской консистории, в Полоцко-Витебской епархии вновь проводились выборы правящего архиерея и епархиального совета. Вновь одним из кандидатов являлся владыка Иннокентий, получив следующую характеристику в издании «Витебская церковно-общественная жизнь» №8 за 1918 год: «Преосвященный Иннокентий всей

своей деятельностью вызывает к себе самую широкую и глубокую симпатию. Служение его было просто и молитвенно-проникновенно. Оно всегда сопровождалось вдохновенной проповедью, питавшейся искренней религиозностью. Мы признательны ему за введение чтений святоотеческих творений за богослужением. Он был прост в обращении, что особенно ценил простой народ. Он часто заходил к простым прихожанам и делил с ними трапезу. Преосвященный Иннокентий стремился повидать всю епархию и за короткий срок успел побывать на многих приходах. В нем ценно то, что монашество он принял исключительно по внутреннему влечению, без сторонних соображений, поскольку стал монахом только после почти десятилетнего пребывания в профессорском звании. Как выходец из сельского духовенства он близок к народу, как представитель духовной среды он убежденный носитель и ценитель духовной культуры, чем в особенности надо дорожить в наше время».

В результате 14 июня 1918 года владыка Иннокентий был вновь избран епархиальным собранием епископом Полоцким и Витебским, а в 1920 году был возведен в сан архиепископа. «Витебская церковно-общественная жизнь» №3 за 1918 год так отзываясь об архипастыре: «Отлично известен всей епархии как ревностный совершитель церковных богослужений, человек высшей честности, необычайной доброты и простоты в своей жизни и в общении с пасомыми. Полоцкая епархия искренне полюбила своего архипастыря – любовью платил и он ей».

Подобные отзывы находим уже после смерти архиепископа Иннокентия, в протоколах допросов 1932 года протоиерея Александра Григоровича, протоиерея Семена Оглоблина, протоиерея Петра Беляева, протоиерея Фантина Капустинского, протоиерея Федора Шеховцова, протоиерея Николая Околовича, Баранова Ивана Кононовича, Тимофеева Михаила Игнатьевича.

Здесь владыка часто называется ревнителем единства Патриаршей Церкви, борцом с обновленчеством: «После Октябрьской революции ... Иннокентий (Ястребов), ярый последователь Тихона ... объединил вокруг себя духовенство ... главным образом благочинных, через которых он управлял Витебской епархией ... в духе Патриарха Тихона»; и далее: «Все Витебское духовенство очень любило Иннокентия и следовало ему, и прямо-таки афишировали Иннокентия как святого».

В 1919-1921 гг., когда вокруг бушевало пламя гражданской войны, трудами владыки Иннокентия было открыто до 30 приходов по всей Витебской губернии, причем часто он сам освящал сельские церкви.

Во время страшного голода, случившегося в Поволжских

губерниях, архиепископ Иннокентий, проявив деятельную христианскую любовь, уже 14 февраля 1922 года, т.е. еще до начала изъятия церковных ценностей, обратился к православным христианам Витебска с воззванием помочь бедствующим, кто, чем и сколько может: деньгами, зерном, мукой, сухарями и пр. Пожертвования собирались Соборным советом Витебского кафедрального Николаевского собора и посылались непосредственно голодающим.

Увы, новая богоборческая власть не приветствовала такие проявления христианского человеколюбия, а всячески им противодействовала, организовав целую кампанию по изъятию ценностей непосредственно из церквей. Архиепископ Иннокентий сделал все, от него зависящее, чтобы не допустить напрасного кровопролития и волнений во время реквизиции, чтобы избежать провокаций в отношении Церкви. Но решение об его аресте, очевидно, было принято заранее: слишком велик был авторитет владыки среди православных – он не позволил бы расколоть епархию. Новая политика создания извне раскола среди православных требовала своих жертв: в июне 1922 года владыка Иннокентий был арестован Полоцким губернским революционным трибуналом по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей, за распространение воззвания Патриарха Тихона и проведение собрания духовенства по этому вопросу. Очевидно, что здесь преследовалась только одна задача: устранение столь авторитетного архиерея для создания раскола в епархии.

В Витебской тюрьме владыка заболел паратифом, начал бредить. И тюремный врач, и следователь почему-то приняли его за сумасшедшего, после чего перевели Владыку в психиатрическую больницу. Это его и спасло: когда за ним приехали из ОГПУ, то врачи ответили, что Ястребов в буйном помешательстве, и к нему нельзя подойти.

Впоследствии монахиня Талида, сопровождавшая владыку в ссылке, приводила рассказ самого врача: «Мы были потрясены, когда увидели на владыке вериги (тяжелый серебряный параман и тяжелый серебряный крест). Мы прекрасно поняли, что это не психическое заболевание, а тиф. Когда температура спала, то из тюрьмы приехали ночью явно взят владыку на расстрел. А мы говорим: «Что вы, он в клетке, он буйно помешанный, в смиренной рубашке, мы боимся подойти». ... А психически больные утром выстраивались в очередь за благословением, как они выражались, «к Великому». И один больной написал даже книгу: «Что мы пережили, когда к нам приехал Великий».

После выздоровления начался скорбный путь владыки

Иннокентия по тюрьмам. Всего он прошел через семь тюрем. Последней тюрьмой, в которую перевели владыку, была Калининская (Тверская). Она располагалась в Отрочем монастыре. Владыка, по его словам, имел счастье быть в той келье, в которой принял мученическую кончину святой митрополит Филипп (Колычев) от руки опричника Малюты Скуратова, когда царь Иоанн Грозный проезжал Тверь.

Из Тверской тюрьмы Владыка был освобожден, получив “минус шесть”, то есть он мог жить на свободе, исключая шесть городов.

Поскольку в это время у Владыки было сердечное заболевание, то он получил назначение правящим архиереем в Кисловодск. Монахиня Талида привезла его, совершенно больного, с гипертрофией сердца (так называемое «бычье сердце», огромных размеров), в отеках, на лечение в Кисловодск.

Архиепископ
Иннокентий Ястребов
на Кавказе

Но, по приезде владыки, местные власти не допустили его к служению. Жил он на частной квартире. У владыки часто бывала бессонница. Он вставал ночью и ходил по двору и молился под звездами. У него была поразительная, величественная манера осенять крестным знаменем. Он очень любил детей, а дети его. Однажды, когда владыка чувствовал себя относительно хорошо, ему захотелось уединенно помолиться. Он отправился на заброшенное татарское кладбище. Вскоре взорам окружающих предстала следующая картина: идет владыка Иннокентий, а за руки его держит черноволосяя,

черноглазая детвора. Подол пытаются нести тоже черноглазые маленькие греки, армяне. Кто-то из взрослых, увидев эту картину, сказал: «Владыка, вы как апостол языков!».

На беседу к владыке часто приходил сын настоятеля Ростовского собора Владимир Алексеевич Лебедев. Он служил в Кисловодском банке. Под влиянием бесед с владыкой и чтения святых отцов Владимир Алексеевич также избрал монашеский путь, и уже после смерти архиепископа Иннокентия принял монашество в Москве, в Покровском монастыре, с именем Иеремия. Впоследствии он стал казначеем при Святейшем

Патриархе Алексии I и умер в сане архимандрита.

В 1925 г. владыку выслали уже из Кисловодска. Он уехал на побережье, был в монастыре на Новом Афоне, приезжал и в Витебск. В свою очередь, православные Полоцко-Витебской епархии все это время не забывали своего архиерея: в документах архивного фонда Полоцкого окружного исполнительного комитета сохранилось заявление церковных советов Полоцких Богоявленской и Свято-Духовской церквей от 2 января 1925 года, в котором они «...просят Полоцкий Окружной исполком разрешить приезд из города Витебска епископу Иннокентию для совершения богослужений в названных церквях ...».

Но сердце у владыки болело, ему были нужны нарзанные ванны, и, в конце концов, ему разрешили вернуться в Кисловодск для продолжения лечения. В то время собор в Кисловодске был закрыт, к тому же им пытались завладеть обновленцы. В ведении сторонников Патриаршей Церкви остались только небольшой кладбищенский храм свв. Константина и Елены и храм св.вмч.Пантелеимона в Ребровой балке, но служить в них владыке так и не было позволено – он ходил только молиться.

В материалах архивного уголовного дела №15759-П за 1931-1932 гг., хранящегося в архиве УКГБ РБ по Витебской области, обнаружено множество свидетельств о том, что все время ссылки владыка Иннокентий заочно управлял жизнью Полоцко-Витебской епархии. Вот одно из них: «После выселения [за пределы епархии] Иннокентий Ястребов продолжал управлять Витебской епархией через своих последователей: Околовича Николая, Григоровича Александра, Чулкова, Борнукова ... Последователи Иннокентия проводили церковные сборы через Чулкова в пользу высланного Иннокентия». Даже находясь за многие сотни километров от Витебска, он проявил себя последовательным борцом с обновленческим расколом: во многом благодаря мудрым советам и благословениям архиепископа Иннокентия духовенство и миряне Полоцко-Витебской епархии смогли противостоять мощной и организованной атаке на церковное единство.

В 1926 году владыка Иннокентий даже вернулся на Витебскую кафедру, но в начале 1927 года он был назначен архиепископом Астраханским. Однако получить разрешение на въезд в Астрахань не получилось, из-за чего владыка был вынужден остановиться в Ставрополе, а потом и вернуться в Кисловодск. Но и отсюда, лишенный возможности лично окормлять свою паству, архиепископ Иннокентий управлял Астраханской епархией через своего викария, епископа Енотаевского Стефана (Гнедовского).

Здоровье владыки все ухудшалось, отеки увеличивались. Приблизительно в ноябре 1927 года, по дороге на литургию в Пантелеимоновскую церковь г.Кисловодска, у владыки лопнула на ноге вена. По милости Божией, он проходил мимо дома своих духовных чад, куда с трудом поднялся, чтобы лечь, и больше не вставал. Оттуда написал о своей болезни митрополиту Сергию (Страгородскому) и, благодаря его хлопотам и содействию, в конце 1927 года был вызван в Москву и помещен в клинику Первого мединститута, на Пироговской.

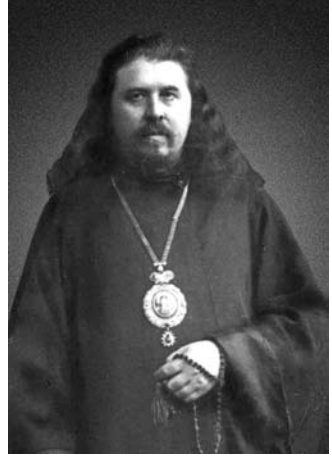
Владыка проболел весь Великий пост 1928 года, а на Страстной седмице пожелал причаститься из Чаши, как священнослужитель. Это казалось невозможным – ведь все-таки медицинский институт, кругом студенты-практиканты. Но произошло чудо: совершенно неожиданно, в Великий Четверг, к владыке в палату пришла седая сестра милосердия, с красным крестом на фартуке и предупредила, что сейчас из соседней церкви придет священник причастить владыку. Вскоре вошел иерей, в полном облачении, с Чашей. Он причастил владыку и ушел. Сколько потом ни искали эту сестру милосердия, так и не нашли. Никто из служащих клиники ничего не заметил, ничего не спрашивал.

После выписки из больницы, в день Святой Троицы, Владыку соборовали семь архиереев. На другой день - Святого Духа, 22 мая (4 июня н.ст.) 1928 года, накануне празднования памяти преподобной Евфросинии Полоцкой, приведшей его на служение в Полоцко-Витебскую епархию, архиепископ Иннокентий (Ястребов) тихо скончался. Отпевал его сам митрополит Сергей (Страгородский) с собором иерархов в Донском монастыре, где владыка Иннокентий одно время был настоятелем.

Место погребения
Архиепископа Иннокентия

Архиепископ Иннокентий был погребен около Духовского храма на Даниловском кладбище в Москве. Его могила сохранилась до нашего времени, и является местом паломничества москвичей, которые из поколения в поколение передают добрую память о добром архипастыре – молитвеннике и ходатае за всех, прибегающих к его помощи.

Жизнеописание архиепископа ИННОКЕНТИЯ (ЛЕТЯЕВА)

Владыка Иннокентий (в миру Летяев Иннокентий Иванович) родился 7 июля 1881 года в г.Бийск Алтайской губернии в семье священника. В 1909 году окончил Казанскую Духовную академию со степенью кандидата богословия.

В 1907 году, еще во время учебы в Духовной академии, Иннокентий был пострижен в монашество и посвящен в диаконский сан. В 1909 году, уже заканчивая учебу, о.Иннокентий был рукоположен в иеромонаха.

Дальнейшее церковное служение о.Иннокентия проходило в Иркутской церковно-учительской семинарии, где он трудился преподавателем до 1911 года, и в Иркутском Духовном училище – с 1911 по 1913 гг.

В 1913 году иеромонах Иннокентий был возведен в сан архимандрита и назначен заведующим Иркутской церковно-учительской семинарией. Помимо этого, с 23 августа 1913 года архимандрит Иннокентий являлся настоятелем Иркутского Князь-Владимирского монастыря.

В 1914 году начался новый этап в жизни архимандрита Иннокентия (Летяева) – служение в Полтаве. С 6 марта 1914 года он заведывал Александро-Николаевской церковно-учительской школой и одновременно являлся настоятелем церкви во имя преподобного Сампсона Странноприимца на поле Полтавской битвы.

Здесь о.Иннокентия и застали события октября 1917 года. В 1918 году стали повсеместно закрываться духовные учебные заведения и о.Иннокентий был вынужден поменять место своих трудов: с 10 апреля 1918 года он назначается в распоряжение Тульского епархиального архиерея.

За время Гражданской войны в полной мере стала ясна политика новой рабоче-крестьянской власти в отношении Православной Церкви. Поэтому можно назвать мужественным поступком согласие

архимандрита Иннокентия (Летяева) принять епископский сан.

20 сентября 1921 года он был хиротонисан во епископа Клинского, викария Московской епархии. Вскоре начался новый виток гонений на Православную Церковь: в мае 1922 года Святейший Патриарх Тихон был арестован и, находясь под арестом, поручил управление Московской епархией Преосвященному Иннокентию (Летяеву), епископу Клинскому.

В 1922 году в Русской Православной Церкви возник обновленческий раскол, инспирированный извне. Многие священнослужители и миряне первое время были дезориентированы в событиях церковной жизни. К началу 1923 года в епархиях практически не осталось ни одного правящего архиерея в юрисдикции Патриаршей Церкви.

Дело усугублялось тем, что раскол не имел однородной структуры, можно назвать три основные раскольнические группировки: «Живая церковь», «Союз общин древле-апостольской церкви» и «Союз церковного возрождения».

В противостоянии совершенно одиозной «Живой церкви» некоторые священнослужители и иерархи Церкви на какое-то время формально поддержали более умеренный «Союз церковного возрождения», не разделяя воззрений и этой раскольнической группировки. В их числе был и епископ Иннокентий (Летяев) вместе с уездным духовенством, тем самым он невольно попал в обновленческий раскол.

Смутное время продолжалось до июня 1923 года, когда был освобожден из-под ареста Святейший Патриарх Тихон. Появилась возможность преодоления внутрицерковных разделений. В связи с этим многие иерархи приносили покаяние в своем участии в обновленческом движении. В их числе был и епископ Иннокентий (Летяев), который в июне 1923 года по покаянию был принят в лоно Русской Православной Церкви и назначен епископом Ставропольским и Кавказским.

В это время в Кисловодске находился в ссылке и на лечении управляющий Полоцко-Витебской епархией архиепископ Иннокентий (Ястребов). Сохранился редкий снимок, на котором запечатлены оба архиерея, что свидетельствует об их общении. Монахиня Сергия (Клименко) в своей книге «Минувшее разворачивает свиток» называет епископа Иннокентия (Летяева) духовным чадом архиепископа Иннокентия (Ястребова).

Возможно, что это обстоятельство повлияло на то, что 2 сентября 1924 года епископ Иннокентий (Летяев) был назначен для духовного окормления и руководства староцерковных общин Витебска.

Уже 6 сентября 1924 года в Витебской Никольской батальонной (железнодорожной) церкви Витебское духовенство и многочисленные верующие торжественно встречали епископа Иннокентия (Летяева), который за короткое время снискал любовь и уважение православных Витебска. Его приезд повлек за собой массовое возвращение духовенства Витебска из обновленчества. За исключением кафедрального

Николаевского собора все храмы города признали власть Патриарха Тихона. Переход из обновленчества в Православие ранее отпавшего от церкви духовенства сопровождался всенародным покаянием последнего, после чего храмы окроплялись епископом Иннокентием святой водой. Но уже к ноябрю 1924 года епископ Иннокентий (Летяев) проживал в Москве.

После смерти Патриарха Тихона, 12 апреля 1925 года епископ Иннокентий подписал акт о передаче высшей церковной власти митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому). Возможно, что это стало причиной ареста владыки Иннокентия и заключения его в Бутырскую тюрьму в 1925 году. Скорее всего, в этот раз владыка не был осужден, но находился в тюрьме все время следствия.

После освобождения, с 20 августа 1926 года епископ Иннокентий (Летяев) управлял Краснодарской епархией, но в том же 1926 году был выслан в Белгород.

После окончания ссылки в 1927 году, владыка Иннокентий с 1 октября 1927 года служил епископом Ростовским, викарием Ярославской епархии, а с 2 ноября 1927 года - епископом Подольским, викарием Московской епархии.

С 18 мая 1932 года епископ Иннокентий управлял Владимиро-Суздальской епархией. К 1934 году он был возведен в сан архиепископа и являлся членом Временного Патриаршего Священного Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском).

Но в декабре 1934 года был убит первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С.М.Киров. Это событие положило начало новой широкомасштабной кампании репрессий, когда церковные организации и служители церкви все более и более обвинялись в контрреволюционной и антисоветской деятельности.

В полной мере испил эту чашу и владыка Иннокентий. Сначала он был удален от участия в управлении Русской Православной Церковью и с 5 февраля 1935 года управлял Харьковской епархией. Но и здесь владыка не прослужил и полугода.

Архиепископ Иннокентий (Летяев) был арестован 20 июля 1936 года Харьковским областным Управлением НКВД и помещен в Харьковскую тюрьму №2. Он обвинялся в антисоветской агитации среди церковников и хранении антисоветской литературы (книга Булгакова).

Решением Особого совещания при НКВД СССР от 27 декабря 1936 года архиепископ Иннокентий был приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет. В заключении находился на Орлово-Розовском лагпункте Сиблага НКВД (г.Марининск).

Не прошло и года, когда уже находясь в исправительно-трудовом лагере, владыка вновь был арестован 25 ноября 1937 года по обвинению в участии в контрреволюционной повстанческой военно-шпионской диверсионно-террористической организации и подготовке восстания

против Советской власти.

Постановлением тройки Управления НКВД Новосибирской области от 8 декабря 1937 года архиепископ Иннокентий (Летяев) был приговорен к расстрелу. Расстрелян 14 декабря 1937 года. Место расстрела и захоронения неизвестно.

Владыка Иннокентий был реабилитирован в 1958 году постановлением Президиума Кемеровского областного суда и в 1989 году прокуратурой Харьковской области.

Жизнеописание архиепископа НИКОЛАЯ (ПОКРОВСКОГО)

Архиепископ Николай (в миру Николай Владимирович Покровский) родился 2 апреля 1851 года в г.Суздаль Владимирской губернии в семье священнослужителя.

После завершения семинарского образования, Николай поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, которую окончил со степенью кандидата богословия. Затем почти тридцать лет - вплоть до 1902 года, служил в учебном ведомстве, преподавая в гимназиях г.Владимира. Дата рукоположения Николая Владимировича в священный сан неизвестна, но с 1902 года он уже служил протоиереем в Санкт-Петербурге, являлся членом Консистории и законоучителем в Ларинской гимназии.

16 июня 1919 года протоиерей Николай Покровский был хиротонисан во епископа Вятского и Глазовского, а впоследствии был назначен правящим архиереем Тобольской епархии.

В 1921 году епископ Николай после контрреволюционного восстания был арестован в Тобольске и приговорен к расстрелу. Но был помилован и впоследствии являлся архиепископом Симбирским, а с 1925 по 1928 гг. находился в ссылке в Псковской губернии, одновременно управляя приходами Патриаршей церкви Псковской епархии.

В 1925 году обновленцы усиленно приглашали его принять участие в организации и работе съезда обновленческого духовенства Псковской епархии. Архиепископ Николай не отозвался ни на первое, ни на второе

приглашение и только на третье ответил, что акты обновленческого управления для него не обязательны и неприемлемы, в то же время он никого не удерживает от объединения с Патриаршей церковью и никому не запрещает.

Однако условием объединения он выдвигал признание неканоничности собора 1923 года и обновленческого синода, заявляя в полном согласии с посланием Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра Крутицкого, что объединение на местах может быть только при условии раскаяния обновленцев. В том же духе держались и возглавляемые им приходы.

В 1927 году архиепископ Николай (Покровский) в возрасте 76 лет был уволен на покой. Причиной этого могло быть состояние здоровья – катастрофически падало зрение, но нельзя исключить в качестве мотива при принятии этого решения и активность владыки в противодействии обновленчеству, и его отношение к небезызвестному Посланию Патриаршего Местоблюстителя в 1927 году. Теперь известно, что отношение к этому документу в тот момент не было однозначным у значительной части духовенства, хотя, как мы увидим впоследствии, архиепископ Николай проводил в своей архипастырской деятельности линию именно митрополита Сергия (Страгородского).

К весне 1929 года архиепископ Николай (Покровский) служил в Иваново-Вознесенской епархии и, как старейший иерарх, получил почетное назначение на древнюю Полоцкую кафедру: с 1 апреля 1929 года он вступил в права управляющего Полоцко-Витебской епархии, а уже в мае 1929 года Витебский Административный отдел зарегистрировал его при Покровской церкви г.Витебска, не разрешив, впрочем, служение владыки в других церквях Витебска и губернии.

Архиепископ Николай был сторонником митрополита Сергия (Страгородского) и по этой причине был достаточно холодно принят духовенством епархии, в массе своей настороженно относившимся к Декларации митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года. Тем не менее архиепископ Николай настаивал на поминовении митрополита Сергия во время богослужения. В результате некоторые священнослужители не поминали за богослужением и самого архиепископа Николая.

Еще один конфликт с городским духовенством возник относительно времени начала совершения богослужения – на т.н. «декретном», «советском» времени, а не «церковном», «дореволюционном». В результате престарелый архиепископ Николай часто не успевал на службу в Покровской церкви, искал возможности послужить в близлежащих церквях – и не находил ее.

Такие немислимые отношения между архипастырем и вверенным ему духовенством могли сложиться только ввиду систематического отсутствия (не по вине церковных властей) архиерея на Полоцко-Витебской кафедре начиная с ноября 1924 года, а также многолетних

попыток внести и укрепить раскол в Православной Церкви через самих священнослужителей, в силу чего к новым духовным лицам местное духовенство присматривалось долго и настороженно относилось к изменению сложившихся порядков. К сожалению, были и прецеденты, когда, например, в 1926 году викарный епископ Велижский Алексей (Буй) в противовес епархиальному управлению Патриаршей церкви пытался зарегистрировать в Витебске епархиальное управление неизвестной никому (по существу обновленческой) «Истинной Древле-апостольской церкви».

Но у владыки Николая не было времени на обиды. Покрывая своей любовью греховную немощь восстающих против него, преодолевая собственную немощь (один глаз практически не видел, а зрение второго глаза было значительно понижено) - старец архиерей включается в активную работу на благо Патриаршей церкви. Весной 1929-1930 гг. к нему поступали массовые ходатайства об открытии ранее закрытых приходов.

Владыка отдавал решительные и грамотные распоряжения верующим: собирать приходское собрание, оформлять прошения об открытии церкви в адрес Синода при Патриаршем Местоблюстителе и во ВЦИК СССР. В результате трудов архиепископа Николая и его деятельных помощников – благочинного Витебских градских церквей протоиерея Николая Околовича и юриста Владимира Еленевского, только весной 1929 года с Патриаршей церковью воссоединилось 14 приходов, ранее пребывавших в обновленчестве. Всего же в 1929-1930 гг. число приходов в Полоцко-Витебской епархии достигло 115. Мудрость и решительность архиепископа Николая были востребованы и в Москве: в 1931 году он участвовал в заседаниях Синода при Патриаршем Местоблюстителе, а в мае 1931 года посетил Старую Руссу с целью приведения в порядок дел местного епархиального управления

Но в начале 1930-х годов началась новая кампания по закрытию церквей. В результате, по состоянию на 10 марта 1932 года в Полоцко-Витебской епархии насчитывалось всего 7 приходов. Большая часть закрытых сельских церквей была просто разгромлена. По свидетельству самого архиепископа Николая, запасные Святые Дары часто разбрасывались по полу и попирались ногами, антиминсы раздирались в клочки. Сосуды, утварь, облачения – часто расхищались, а книги и иконы уничтожались на месте. Священство закрытых церквей находилось в тюрьмах, ссылках, под принудительными работами. Некоторые бежали. Никто не принимал священный сан – три года прошло без хиротоний. Самому архиепископу Николаю к весне 1932 года уже не было у кого исповедоваться, а в случае смерти – некому было облачить и похоронить согласно сана .

23 марта 1932 года у архиепископа Николая была взята подписка о невыезде и было предъявлено обвинение в том, что: а) он являлся руководителем контрреволюционной группы «тихоновской» церкви;

б) вдохновлял и руководил массовыми волнениями населения в 1930 году в Лиозненском, Сиротинском и Бешенковичском районах; в) вел беседы о том, что духовенство в СССР находится в угнетении и призывал обращаться за помощью к иностранным государствам. По пунктам «б» и «в» владыка частично признал себя виновным, обозначив свою деятельность в открытии церквей и свидетельствуя о бедственном положении духовенства.

Например, на допросе в марте 1932 года архиепископ Николай следующим образом описывал состояние дел в Полоцко-Витебской

Подпись владыки под протоколом допроса архиепископа Николая (Покровского)

Собственноручные показания архиепископа Николая (Покровского)

Собственноручные показания архиепископа Николая (Покровского)

Фрагмент из протокола допроса архиепископа Николая (Покровского)

епархии к 1932 году: «Непосредственно слышишь вопли, плач христиан о гонении на религию; видишь слезы плачущих земляков, родных, близких и своих духовных детей. Слаб и беден мой язык изобразить настоящее бедственное положение христианской религии. Просвета не видно, ни облегчения, ни утешения, ни улучшения и в недалеком будущем» .

Вообще, на допросах в ОГПУ архиепископ Николай мужественно заступался за духовенство, некогда опускавшее имя своего законного архиерея во время богослужения, и просил не считать этот поступок контрреволюционным, каковым он был по мнению следователя.

Постановлением Особого Сопрецаания при Коллегии ОГПУ от 14 июля 1932 года по ст. 72, 76 УК БССР было принято решение о лишении права проживания архиепископа Николая (Покровского) в 12-ти пунктах и Уральской области с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, что означало ссылку. Впоследствии, 21 октября 1932 года, данное постановление было отменено и 81-летнему владыке было разрешено проживать по всей территории СССР.

Несправедливый приговор не повлиял на активность архиепископа Николая и летом 1932 года он участвовал в сессии Временного при Заместителе Патриаршего Местоблюстителю Патриаршем Священном Синода как архиерей Полоцко-Витебской епархии.

Владыка Николай предполагал служить в Полоцко-Витебской епархии до своей смерти. Находясь в преклонном возрасте и страдая тяжкими недугами, он выбрал место в Витебске для своей могилы и приготовил для себя гроб и намогильный крест.

Но неожиданно для себя, 16 февраля 1933 года владыка был назначен в Удмуртию, архиепископом Ижевским и Воткинским . 12 марта 1933 года он прибыл в г.Ижевск и вынужден был здесь жить и служить в очень стесненных условиях.

В результате архиепископ Николай заболел малярией, сопровождавшейся страшной головной болью, жаром, ознобом, общим расслаблением организма. Добавились и другие болезни. Врач, лечивший владыку, сделал заключение, что для исцеления необходимо переменить место жительства.

В Ижевске невозможно также было обеспечить соответствующее возрасту владыки и его заболеваниям питание. Со дня приезда в этот город, как писал сам владыка, он не видел маленького кусочка белого хлеба. Только черный, очень часто чёрствый хлеб, картофель, изредка молоко были его обычной пищей. Очень часто, по несколько дней, сухоядение, из-за экономии дров, здесь особенно дорогих. При такой суровой и тяжелой пище болезнь мучила владыку постоянно, особенно при ходьбе и продолжительном стоянии за богослужениями и в очередях .

В 1932 году в Ижевске были закрыты все приходские церкви патриаршей ориентации кроме Ильинской единоверческой, при которой

и пришлось служить архиепископу Николаю как епархиальному архиерею.

По его свидетельству, служба в этой церкви была «длинная, скучная, утомительная. Женское чтение тихое, невнятное, монотонное, невыразительное, в глубине клироса, плотной стеной отделённого; пение гнусавое, при народе тягучее; выполнение устава до единой буквы строгое, неизменно затягивает богослужение воскресное и праздничное часто на 4-41/2 часа. После всенощной, до ночлега, едва плетусь один, всегда без проводника; часто дороги не вижу, падаю; на пути блуждаю; всегда усталый где-нибудь на бревнах, на завалинках отдыхаю».

У владыки не было квартиры. Настоятель церкви и председатель приходского совета не стали заботиться поиском подходящего жилища для престарелого архиерея, чтобы, как считал владыка Николай, «...всегда иметь меня в виду и держать в своих руках ... втиснули меня на улицу Бедноты, в хибарку единовременной просфорни на совместное жительство с ней и с ее племянницей, 20-летней девицей» .

Самостоятельные поиски квартиры архиепископом Николаем окончились ничем, и он вынужден был жить в этой хибарке с двумя маленькими окошками без форточек, причем зимние рамы никогда не выставлялись. Высота потолка лишь ненамного превышала его рост. Площадь пола – 5 на 5 шагов. В комнате также находились деревянная переборка, кровать, ящик с принадлежностями для погребения владыки, шкаф, стол, стул, сундук, хозяйский комод и в два квадратных метра кирпичный подпол. Внутри помещения была страшная духота, особенно, когда пеклись просфоры. Владыка задыхался. Помолиться утром и прочесть правило перед причащением он выходил на открытый маленький дворик, на виду у массы рабочих, живших позади двора в двух каменных, четырёхэтажных корпусах. В этом же помещении архиепископу Николаю приходилось принимать мирян на исповедь и священников с разных приходов, рассказывавших о притеснениях от местных сельсоветов .

Тяжело переживал владыка многочисленные вопиющие небрежности и неправильности в совершении богослужения духовенством Ильинской церкви. Он писал, что «никогда, нигде не был спокойным зрителем недостатков, замеченных в церкви при богослужении, среди членов причта, а всегда стремился к порядку» . Это стремление привело к тому, что на архиепископа Николая написали жалобу в Синод.

В свое оправдание владыка писал: «56 лет прослуживши верой и правдой Церкви Христовой, 42 года проработав в средней школе духовной и светской, мужской и женской, провинциальной и столичной; пробывши членом консистории в Петрограде при Митрополитах: Антонии, Владимире, Питириме и Вениамине, я научился вежливости, деликатности в обращении, корректности в своих отношениях... Свои указания, замечания, предложения причту... я всегда делал в алтаре, без присутствия кого-либо из мирян, тихо, спокойно, без раздражения. На них священник и диаконы, кроме протодиакона, проявляли часто

непослушание или отвечали грубостью.

Милостивый Архипастырь, Владыко и Отец! Внемлите гласу моления и вопля моего. Из Ижевска переместите меня в центр России, поближе к Москве, Ленинграду, ближе к моим родным могилам, или в Муром – родную землю владимирскую. За собой не знаю никакой вины, по которой бы карать меня оставлением в Ижевске, или перемещением опять куда-либо на север или епархии Сибирския. Мне 82 года. Рад бы уйти на покой, но негде главу приклонить; некому за старцем присмотреть; нечем пропитаться.

Вашего Высокопреосвященства Милостивого Архипастыря и Отца смиренный послушник Ижевский Архиепископ Николай Покровский.

26 июня 1933 года. Ижевск, ул. Бедноты, д. 21» .

Такие нестроения окончательно подорвали силы владыки. С начала июля 1933 года он стал жаловаться на общую слабость, а 9 июля даже не смог дослужить Литургию. 15 июля врач нашёл у него брюшной тиф.

Владыку поместили в Ижевскую городскую больницу, где он мирно почил в 12 часов ночи на 18 июля 1933 года .

С разрешения врача, прямо в больнице городское духовенство подготовило архиепископа Иннокентия к погребению: он был облачён во все архиерейские облачения, ранее им самим приготовленные, и в закрытом гробе, привезённом из Витебска, перенесён в Ильинскую церковь, где были совершены панихида и заупокойная всенощная.

19 июля 1933 года в 6 часов вечера, при участии всего духовенства Ильинской церкви, архиепископ Николай (Покровский) был погребен на Успенском кладбище г.Ижевска.

Место погребения архиепископа Николая (Покровского) на Успенском кладбище в Ижевске

По прошествии более чем полувека, архиепископ Николай (Покровский) был реабилитирован 12 сентября 1989 года прокуратурой Витебской области.

Жизнеописание

БОРИСА БЯЛЫНИЦКОГО-БИРУЛИ

Борис Андреевич Бялыницкий-Бируля родился в 1875 году в семье землевладельца в с.Королево Королевской волости Витебского уезда. Его отец – Андрей Симплицианович Бялыницкий-Бируля – с 1863 года являлся действительным членом статистического комитета Витебской губернии, а также заведывал единственной метеостанцией в губернии.

Борис Андреевич окончил Новороссийский университет и в 1902 году поступил на должность кандидата в Витебском окружном суде, а в 1905 году стал секретарем Витебского окружного суда.

С 1908 года – Борис Андреевич служил городским судьей 1-го участка Витебска, а с 1912 года – губернским земским гласным от Витебского уезда и гласным Витебской городской Думы.

С июня 1917 года Б.А. Бялыницкий-Бируля работал уже не в судебном ведомстве, а юрисконсультom в союзе домовладельцев.

В июле 1917 года он был избран делегатом от мирян Полоцко-Витебской епархии на Поместный Собор Российской Православной Церкви.

В 1918 году Борис Андреевич работал преподавателем законовeдения и состоял в Витебском городском учительском союзе. Он также принял активное участие в съезде духовенства Полоцко-Витебской епархии, сделав 14 июня 1918 года доклад на тему: «О положении Церкви при новых условиях жизни». Главной мыслью доклада была объединительная роль Церкви, как никогда проявившаяся во времена испытаний. В итоге Б.А. Бялыницкий-Бируля был избран сверхштатным членом Витебского епархиального управления, что было знаком признания его церковных заслуг.

Ответ на белый терор.

— — —
Телько цветочки—ягоды
вперед.

В ночь с 11-го на 12 сентября Чрезвычайной Комиссией расстреляны гр. гр. Григорович (доктор), Полонский и Борис Бялыницкий Вируля: обвиняемые в контр - революционной деятельности и антисоветской агитации в деревнях. Это ответ красного Витебска на убийство т. т. Володарского и Урицкого и на покушение на Великого учителя — т. Ленина.

Газета "Голос бедняка",
сентябрь 1918 г.

Но уже 8 июля 1918 года Борис Андреевич был арестован в Витебске и помещен в тюрьму. Основанием для ареста явилось заявление председателя Витебского Губисполкома о существовании Белорусской Рады в г. Витебске и заявление от 27 июля 1918 года о существовании в Витебске контрреволюционной организации.

Обвинения предъявлено не было.

В своем заявлении в Витебскую ЧК в августе 1918 года Борис Андреевич засвидетельствовал о том, что он невиновен.

Расстрелян в ночь с 11 на 12 сентября 1918 года.

Жизнеописание ФЕОДОРА ГРИГОРОВИЧА

Феодор Иванович Григорович родился 8 февраля 1853 года в православной семье мещан Витебской губернии.

В декабре 1880 года Феодор Иванович с отличием окончил Санкт-Петербургскую Императорскую Медико-хирургическую Академию и с 1881 года начал службу в военно-медицинском ведомстве. В 1881-1884 гг. он служил в Керченском и Ростовском лазаретах.

В 1884 году Феодор Иванович сдал практический экзамен на

степень доктора медицины, а в 1889 году был утвержден в этом звании конференцией Военно-медицинской Академии.

В 1885 году он был последовательно произведен сначала в чин титулярного советника, а затем – коллежского асессора.

По распоряжению Главного военно-медицинского управления с 1888 года Феодор Иванович служил младшим врачом 163-го Ленкоранского пехотного полка в Витебске и был произведен в чин надворного советника.

В 1892 году Главным военно-медицинским управлением он был утвержден старшим врачом 41-й артиллерийской бригады в Витебске, а в 1894 году - награжден орденом св.Анны III степени.

С 1897 по 1902гг. Феодор Иванович неоднократно участвовал в заседаниях военного суда Виленского военного округа и Витебского окружного суда в качестве свидетеля. В 1902 году он был награжден орденом св.Станислава II степени.

В декабре 1904 года приказом главного военно-медицинского инспектора Феодор Иванович был назначен на должность главного врача 88-го запасного полевого госпиталя.

Во время русско-японской войны Ф.И. Григорович с сентября 1905 года служил главным врачом 29-го Харбинского сводного госпиталя. В 1905 году он был награжден орденами св.Анны II степени и св.Владимира IV степени, а в апреле 1905 года произведен в чин статского советника.

В январе 1906 года Феодор Иванович по причине болезни был переведен в Витебск и продолжил службу в должности старшего врача 41-й артиллерийской бригады, а к 1912 году вышел в отставку по выслуге пенсии.

С 1912 года Феодор Иванович Григорович являлся председателем Витебской Городской Думы, одновременно возглавляя санитарную комиссию при ней.

С 17 сентября 1912 года он состоял штатным врачом и преподавателем гигиены Витебского учительского института.

По состоянию на 1914 год Ф.И. Григорович имел чин действительного тайного советника.

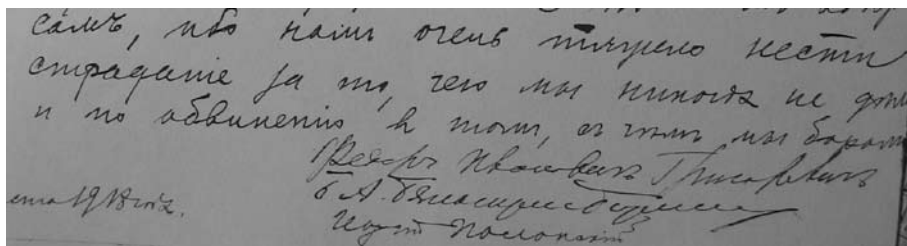
К 1918 году Феодор Иванович являлся не только преподавателем Витебского учительского института и членом Профессионального союза врачей, но и преподавателем гигиены и, одновременно, врачом Витебского реального училища.

Весной 1917 года он был избран председателем Витебского

комитета Белорусского Народного Союза.

По свидетельству Прудниковой Елены Никифоровны, 1881г.р. (со слов ее внучки – Бредихиной Л.С.), население Витебского района знало Ф.И. Григоровича как доброго доктора, безвозмездно лечившего неимущих. Многим людям был известен и адрес его клиники – большого дома из восьми комнат на Резницкой улице (совр. район пересечения ул.Правды и ул.Калинина в Витебске).

В книге Заира Азгура «То, что помнится...» повествуется случаях безвозмездного исцеления Ф.И. Григоровичем не поддающихся другому лечению психических расстройств и алкогольных запойных состояний.

Фрагмент из совместного заявления о невиновности

Феодор Иванович Григорович был арестован 8 июля 1918 года Витебской Губернской ЧК с формулировкой «подозрение в контрреволюционных действиях» и помещен в Витебскую тюрьму. На момент ареста ему исполнилось уже 66 лет.

Формальным поводом для ареста послужило то, что Ф.И. Григорович являлся председателем Витебского комитета Белорусского Народного Союза, созданного в апреле 1917 года.

Программа данной организации была утверждена на общем собрании членов Союза, состоявшемся в Витебском городском театре 11 мая 1917 года, и целью его деятельности была объявлена сугубо социально-экономическая деятельность (помощь голодающим, обездоленным и т.п.).

Являясь председателем Витебского комитета Белорусского Народного Союза, Ф.И. Григорович отказался от присоединения к Белорусской Народной Раде – сугубо политической организации.

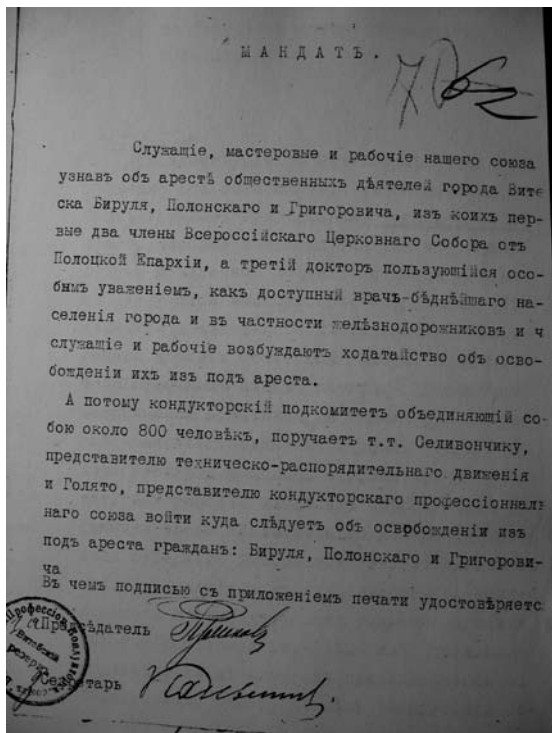
В материалах архивного уголовного дела, хранящегося в архиве Управления КГБ Республики Беларусь по Витебской области, имеются свидетельства об организации помощи нуждающимся горожанам членами Союза, а также о призывах Ф.И. Григоровича на приходских собраниях отойти от чрезмерной

политизации и противостояния в обществе, а жить по Евангелию, в мире с окружающими людьми.

В качестве примера социального служения членов Витебского комитета Белорусского Народного Союза, можно привести создание при архиерейском доме в трудном и голодном 1918 году епархиального кооператива «Надежда», который снабжал хлебом Витебск и его окрестности. В марте 1918 года активная деятельность Витебского комитета Белорусского Народного Союза прекратилась ввиду реформирования церковно-государственных отношений.

30 июля 1918 года, находясь в неведении относительно причин ареста, в своем обращении в Витебскую ГубЧК Феодор Иванович пишет: «Не чувствуя за собой никакой вины... и чувствуя себя больным... прошу... предъявить мне скорее обвинение, и... выпустить на поруки из тюрьмы до суда».

В 1918 году еще было возможным, чтобы коллективы предприятий и организаций обращались с коллективными обращениями в ГубЧК с ходатайствами об освобождении

из-под стражи арестованных. В одном из таких ходатайств, составленном от имени 800 человек, входящих в кондукторский профессиональный союз железной дороги, Феодор Иванович называется доктором, пользующимся «... особенным уважением, как доступный врач беднейшего населения города и, в частности, железнодорожников...».

Несмотря даже на само на отсутствие предъявленного обвинения, Феодор Иванович Григорович был расстрелян в ночь с 11 на 12 сентября 1918 года.

Ходатайство

Жизнеописание ГЕОРГИЯ ПОЛОНСКОГО

Георгий Иванович Полонский родился в 1890 году в крестьянской семье. Окончил Ярославский лицей, получил университетское образование и степень кандидата юридических наук.

После окончания университета Георгий Иванович служил в Витебском Губернском Присутствии. После начала Первой мировой войны, с 1914 по осень 1915гг., был прикомандирован для временного исполнения обязанностей земского начальника на участках Витебского и Лепельского уездов.

В октябре 1915 года Георгий Иванович был мобилизован на военную службу: сначала солдатом в 298-м запасном батальоне, а затем, по заболеванию, – писарем в Комиссию по расследованию злоупотреблений по воинской повинности.

В феврале 1917 года он был переведен на службу в Управление Воздушного флота Двинского округа, где исполнял обязанности обер-офицера для поручений при Инспекторе Военно-Воздушного флота. Здесь же его избрали председателем солдатского комитета.

В июле 1917 года Георгию Ивановичу было оказано доверие быть делегатом от мирян Полоцко-Витебской епархии на Поместном Соборе Российской Православной Церкви. В период с августа по декабрь 1917 года он участвовал в деятельности Собора, а 10 декабря 1917 года вернулся в Витебск, заболев брюшным тифом.

К февралю 1918 года Георгий Иванович выздоровел и в марте-апреле 1918 года вновь участвовал в деятельности Собора. Во второй половине апреля 1918 года Георгий Полонский вернулся в Витебск и с 19 мая жил в деревне, набираясь сил после

Удостоверение Георгия Полонского

болезни. В Витебск он приезжал только для раздачи муки голодающим при Витебской Христо-Рождественской церкви, где был председателем приходского совета, а также для участия в епархиальном съезде с 25 июня по 4 июля 1918 года. На съезде был подтвержден высокий авторитет Георгия Полонского

в глазах верующих: он был избран штатным членом Витебского епархиального управления.

Но уже 14 июля 1918 года Георгий Полонский был арестован в Витебске, когда по распоряжению епископа Двинского Пантелеимона (Рожновского) во главе делегации от духовенства и мирян пришел в губернскую ЧК ходатайствовать об освобождении Бориса Бялыницкого-Бирули.

Основанием для ареста явилось заявление председателя Витебского Губисполкома о существовании Белорусской Рады в г.Витебске и заявление от 27 июля 1918 года о существовании в Витебске контрреволюционной организации.

В своем обращении в Витебскую ЧК в августе 1918 года Георгий Иванович свидетельствует о том, что не чувствует за собой никакой вины, говорит о том, что призывал людей к миру, любви и спокойствию.

Расстрелян в ночь с 11 на 12 сентября 1918 года.

Составитель: иерей Владимир Горидовец,
председатель комиссии по архивам
Витебской епархии.

Благодарим руководство Государственного
архива Витебской области, Управления КГБ РБ
по Витебской области и Витебского областного
краеведческого музея за помощь, оказанную при
подготовке материалов данного сборника